

**Принято на заседании Совета
17 февраля 2022 г.
№ 215-1/2022**

**ЭКСПЕРТНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ
по проекту федерального закона «О признании утратившим силу
пункта 2 статьи 1099 Гражданского кодекса Российской Федерации»**

Проект федерального закона «О признании утратившим силу пункта 2 статьи 1099 Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Проект) направлен на экспертизу в Совет при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства Министерством юстиции Российской Федерации (письмо от 23 декабря 2021 г. № 09/153320-АБ).

Проект разработан Министерством юстиции Российской Федерации во исполнение поручения Заместителя Председателя Правительства Российской Федерации – Руководителя Аппарата Правительства Российской Федерации Григоренко Д.Ю. от 9 ноября 2021 г. № ДГ-П4-15873 и направлен на исполнение Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 26 октября 2021 г. № 45-П «По делу о проверке конституционности статьи 151 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.Ф. Шиловского» (далее – Постановление № 45-П).

Конституционный Суд Российской Федерации, рассмотрев дело заявителя, признал часть первую статьи 151 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) не соответствующей Конституции Российской Федерации, ее статьям 21 (часть 1), 45 (часть 1), 46 (часть 1), 52 и 56 (часть 3), в той мере, в какой она - по смыслу, придаваемому ей судебным толкованием (в том числе во взаимосвязи с пунктом 2 статьи 1099 данного Кодекса), - служит основанием для отказа в компенсации морального вреда, причиненного гражданину совершенным в отношении него преступлением против собственности, в силу одного лишь факта квалификации данного деяния как посягающего на имущественные права потерпевшего, без установления на основе исследования фактических обстоятельств дела того, причинены ли потерпевшему от указанного преступления физические или

нравственные страдания вследствие нарушения его личных неимущественных прав либо посягательства на принадлежащие ему нематериальные блага.

1. В указанном деле, которое было предметом рассмотрения в Конституционном Суде Российской Федерации, заявитель в ходе многочисленных судебных разбирательств отстаивал свое право на компенсацию морального вреда за те страдания, которые ему причинил сотрудник бюро судебно-медицинской экспертизы, отказавший в выдаче заявителю тела его покойной матери в день похорон без выплаты этому сотруднику вознаграждения, не предусмотренного ни законом, ни договором, и тем самым препятствовавший достойному прощанию и достойному погребению покойной.

Вне всякого сомнения, страдания заявителя были вызваны посягательством на его личные права, имеющие неимущественное содержание.

Несмотря на то, что право человека на достойное прощание с близкими ему покойными людьми прямо не поименовано ни в ГК РФ, ни в иных федеральных законах в качестве отдельного субъективного гражданского права, нет никаких причин оспаривать неотъемлемую принадлежность такого права к духовной сфере человека, защищаемой средствами гражданского права. Доказательствами существования такого личного неимущественного права могут служить положения части 3 статьи 5 и статьи 8 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле». По крайней мере, отталкиваясь именно от этих положений, позитивистски настроенный правоприменитель мог бы обосновать и защитить соответствующее личное неимущественное право гражданина.

Следует подчеркнуть, что действующее гражданское законодательство не содержит закрытого перечня охраняемых нематериальных благ и личных неимущественных прав (пункт 1 статьи 150 ГК РФ), да и не может содержать

такого перечня по причинам, имеющим глубокие нравственные и философские корни.

Содержащееся в пункте 2 статьи 2 ГК РФ указание на то, что неотчуждаемые права и свободы человека и другие нематериальные блага защищаются гражданским законодательством, если иное не вытекает из существа этих нематериальных благ, не является случайной или декларативной нормой. Оно означает, что сфере гражданского права подвластны все случаи посягательств на нематериальные ценности, не исчерпываемые лишь словами «честь», «имя», «личная тайна» и иными прямо упомянутыми в ГК РФ нематериальными благами.

Несмотря на то, что отечественная правовая доктрина пока еще не восприняла концепцию единого неимущественного права (*allgemeines Persönlichkeitsrecht*), действие которой исключало бы необходимость всякий раз доказывать существование отдельного неимущественного права (отдельного субъективного гражданского права), нужно признать, что российское законодательство близко к этой доктрине по упомянутой причине – оно не содержит *numerus clausus* охраняемых личных неимущественных прав.

Однако в судебных делах заявителя рассматривалось утверждение о том, что страдания заявителя были вызваны посягательством на его материальное благо. Непосредственной причиной этого послужило то обстоятельство, что заявитель вначале пытался взыскать компенсацию морального вреда в рамках разбирательства по уголовному делу о мошенничестве, которое состояло в незаконном получении наличных денег сотрудником бюро судебно-медицинской экспертизы от заявителя за право забрать тело покойной матери. Иными словами, заявителю отказывали в компенсации морального вреда со ссылкой на то, что его страдания были вызваны преступлением против собственности, при этом в силу пункта 2 статьи 1099 ГК РФ моральный вред, причиненный действиями (бездействием), нарушающими имущественные права гражданина, подлежит

компенсации лишь в случаях, предусмотренных законом (то есть, по мнению судов, не в этом случае).

К сожалению, различные судебные инстанции не приняли во внимание также то обстоятельство, что нередко противоправное деяние посягает одновременно на материальные и нематериальные блага личности. Так, например, лицо, уничтожившее чьи-то семейные фотографии, не только лишает собственника его имущества, но также и лишает это лицо возможности сохранять память о своих предках и о своем собственном прошлом, вторгаясь тем самым в сферу неимущественного права на уважение частной и семейной жизни. Право на уважение частной и семейной жизни, названное в статье 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.), повсеместно истолковывается чрезвычайно широко, что дает основание судам многих стран защищать различные интересы личности даже в тех случаях, когда существование отдельного субъективного неимущественного права, подвергнутого нарушению, не всегда очевидно.

Конституционный Суд Российской Федерации неслучайно указал в Постановлении № 45-П на то, что нравственные страдания могут быть «причинены лицу преступным посягательством не только на его имущественные права, но и на принадлежащие ему личные неимущественные права или нематериальные блага, среди важнейших из которых – достоинство личности».

Иными словами, в рассматриваемом деле страдания заявителя были связаны вовсе не с тем, что ему пришлось расстаться с денежной суммой в размере 6000 рублей, которую он вынужден был передать правонарушителю, а с тем, что правонарушитель, не выдавая заявителю тело близкого родственника в день похорон, препятствовал тем самым достойному прощанию с покойным. **Указанная причинно-следственная связь имеет важное, если не определяющее значение** как в этом случае, так и в иных аналогичных ситуациях, когда нарушению личного неимущественного права одновременно сопутствует также утрата или повреждение имущества, отказ в

исполнении обязательства, нарушение обязательства и т.д. К сожалению, этой причинно-следственной связи суды общей юрисдикции не придали значения.

2. Действующее российское законодательство не содержит положений, которые препятствовали бы взысканию компенсации морального вреда за физические и нравственные страдания, причиненные такими действиями, которые одновременно нарушают имущественное право и личное неимущественное право потерпевшего.

Как указывается в статье 151 ГК РФ, если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда. В этой норме идет речь **о действиях, которые объективно нарушили личные неимущественные права потерпевшего, а вовсе не о тех, которые были бы нацелены исключительно на такое нарушение.**

Кроме того, ни одно из положений глав 1, 2, 8, 25 и 59 ГК РФ не дает оснований заключить, что в качестве противоправного деяния, влекущего за собой применение мер гражданско-правовой ответственности, следует рассматривать такое деяние, следствием которого является нарушение только одного субъективного гражданского права. Также нет оснований для того, чтобы препятствовать защите нарушенного определенного гражданского права в том случае, когда умысел делинквента был направлен на нарушение другого гражданского права этого же потерпевшего или на нарушение гражданского права, принадлежащего другому лицу.

Такой подход (применительно к случаям нарушения неимущественных прав посредством совершения преступлений против имущества) прямо отражен в пункте 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» (далее – Постановление № 23), в

котором отмечено: «Исходя из положений части 1 статьи 44 УПК РФ и статей 151, 1099 ГК РФ в их взаимосвязи гражданский иск о компенсации морального вреда подлежит рассмотрению судом **и в случаях, когда в результате преступления, посягающего на чужое имущество или другие материальные блага, вред причиняется также личным неимущественным правам либо принадлежащим потерпевшему нематериальным благам** (например, при разбое, краже с незаконным проникновением в жилище, мошенничестве, совершенном с использованием персональных данных лица без его согласия)». К сожалению, дело С.Ф. Шиловского рассматривалось судами общей юрисдикции до вынесения названного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Как справедливо отметил Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении № 45-П, отказы судов в защите неимущественных прав граждан, нарушенных одновременно с посягательством на принадлежащие гражданину материальные блага, вызваны тем, что соответствующее толкование сложилось в судебной практике. В этой связи надо признать, что **положения Постановления № 23 если не полностью, то в значительной мере решили выявленную проблему** толкования закона.

Следует лишь отметить, что общий вывод, сделанный в Постановлении № 23, применим и к случаям, когда правонарушение является гражданско-правовым или административно-правовым. Продолжая свою работу по разъяснению судебной практики, Верховный Суд Российской Федерации может в последующих актах отразить такое или аналогичное суждение и тем самым расширить ранее высказанную им мысль. Это одна из причин, по которым внесение проектируемых изменений в ГК РФ вряд ли необходимо.

3. Текст Проекта краток и сводится к тому, чтобы признать утратившим силу пункт 2 статьи 1099 ГК РФ. По мнению разработчиков Проекта, которое отражено в пояснительной записке, «действующая редакция пункта 2 статьи 1099 ГК РФ, дезориентируя суды, препятствует

надлежащему применению норм о компенсации морального вреда и полноценной защите прав потерпевших», а «предложение признать утратившим силу пункт 2 статьи 1099 ГК РФ на практике должно восстановить ситуацию, когда граждане, чьи имущественные права нарушены, смогут по общему правилу доказывать и нарушение их личных неимущественных прав, а их защита не будет ставиться в зависимость от решения законодателя».

Между тем предлагаемое к исключению положение на данном этапе несет важную содержательную нагрузку. Его смысл сводится не столько к тому, чтобы повторить норму, содержащуюся в первом абзаце статьи 151 ГК РФ («причинен моральный вред... действиями, нарушающими его личные неимущественные права... а также в других случаях, предусмотренных законом...»), сколько к тому, чтобы подчеркнуть невозможность компенсации морального вреда в тех ситуациях, когда деяние правонарушителя в действительности не нарушило ни единого неимущественного права, не посягнуло ни на единое нематериальное благо, то есть деяние нарушило только «чистое» имущественное право.

Удаление из статьи 1099 ГК РФ пункта 2 может ввергнуть правоприменителя в заблуждение, причем двоякое. С одной стороны, этот шаг законодателя может быть истолкован как полный отказ от компенсации морального вреда в связи с «чистым» нарушением имущественного права даже в случаях, предусмотренных законом. К такому решительному пересмотру сложившегося понимания института компенсации морального вреда отечественный правопорядок вряд ли сейчас готов. С другой стороны, не надо исключать, что предлагаемое законодательное решение может быть воспринято кем-то как дозволение взыскивать компенсацию морального вреда во всех случаях посягательств на материальные блага.

Представляется, что аргумент разработчиков Проекта о «дезорientации» судов, вызванной наличием в ГК РФ пункта 2 статьи 1099 ГК РФ, вряд ли перевешивает назначение нормы, действующей с 1 марта 1996 года и сейчас предлагаемой к удалению. Этот аргумент также

неактуален в связи с тем, что посредством Постановления № 23 Верховный Суд Российской Федерации уже сориентировал суды должным образом. Напротив, исключение из пункта 2 статьи 1099 ГК РФ способно вызвать бóльшую «дезориентацию».

4. Необходимо также обратить внимание на то обстоятельство, что Постановление № 45-П не содержит указания на необходимость непосредственного отражения в законодательстве позиции Суда и, по всей вероятности, Постановление не случайно его не содержит. Как известно, далеко не во всех случаях, когда Конституционный Суд Российской Федерации формулирует правовую позицию по тому или иному вопросу, насущно необходимо изменение каких-то законоположений.

В силу статьи 79 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» решение Конституционного Суда Российской Федерации действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами, что дает возможность судам уже сейчас руководствоваться правовой позицией, содержащейся в Постановлении № 45-П, с учетом того, что ни одно из положений действующего ГК РФ непосредственно и напрямую не препятствует применению этой позиции. На последнее обстоятельство, как представляется, обращено внимание и в самом Постановлении № 45-П.

5. В случае, если работа по выполнению поручения от 9 ноября 2021 г. № ДГ-П4-15873 будет продолжена, необходимо также учесть следующее.

Во-первых, представляется недопустимым насыщение норм гражданского права, имеющих общий характер и подлежащих применению в неограниченном числе случаев нарушения личных неимущественных прав, казуистическими положениями, например, об обязательности взыскания компенсации морального вреда, причиненного преступлениями имущественного характера в тех случаях, когда такие деяния одновременно нарушают неимущественные права. К сожалению, такой законодательный

опыт, когда в общие положения деликтного права добавлялись в значительной мере случайные нормы (например, абзац третий статьи 1080 ГК РФ), уже имеется. Появление в стройных положениях ГК РФ таких казуистических вкраплений вызывает у правоприменителя ложное представление о смысле общих положений и о том, в каких случаях они могли бы быть применены. Кроме того, такой метод законодательного регулирования противоречит принципам кодификации.

Во-вторых, законодатель мог бы предпринять иной шаг, в большей мере способствующий защите интересов личности. В Постановлении № 45-П отмечено, что «федеральный законодатель, осуществляя дискреционные полномочия, не лишен возможности внести – в порядке совершенствования действующего законодательства и на основе конституционных предписаний и правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, высказанных в настоящем Постановлении, – необходимые изменения в правовое регулирование отношений по возмещению морального вреда гражданам, потерпевшим от преступлений против собственности, **в части распределения бремени доказывания факта причинения таким лицам морального вреда**, с тем, чтобы повысить действенность конституционных гарантий реализации прав потерпевших от преступлений и обеспечить максимальную защиту достоинства личности как конституционно значимой ценности». К сожалению, эта часть правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации осталась непроработанной авторами текста Проекта.

х х х

Вывод: проект федерального закона «О признании утратившим силу пункта 2 статьи 1099 Гражданского кодекса Российской Федерации» не может быть поддержан.

Председатель Совета

П.В. Крашенинников